

ИРИН КАХР
ПО ЦЕЛЬСИЮ

ДО 1100°

*...когда
горят
люди...*

Ирин КаХр
По Цельсию до 1100

«Автор»

2026

КаХр И.

По Цельсию до 1100 / И. КаХр — «Автор», 2026

Почти наше время. Опоздал на смену — минус пять процентов зарплаты. Поругался с коллегами — минус пятнадцать. Застукали поющим — минус сто. Имарис Хорн читает книги, напевает мелодии, улыбается солнцу после ночной смены. И вынуждена это прятать. Однажды её автобус сворачивает не туда. Вместе с другими «странными» пассажирами Имарис увозят за колючую проволоку, в лагерь секретной службы АБСС. Здесь она понимает: она скрывалась недостаточно хорошо. Всех, кто сюда попадает, ждёт участь страшнее смерти. Прибывшие — лишь расходный материал. Им остаётся только ждать. Но дни идут, а Имарис не трогают. Чем дольше она наблюдает за тем, что происходит с другими, тем отчётливее чувствует: с ней что-то не так. Вокруг неё сходит с ума всё больше народу. Теперь ей предстоит выяснить, почему система сделала из неё исключение. И что случается с теми, кого забыли забрать.

© КаХр И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1 ...чёрный лебедь, белый лишь во сне...	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ирин КаХр

По Цельсию до 1100

ПРОЛОГ

Сирена ворвалась в сон, разрывая привычную тишину. Бомил подскочил на койке, спроне не понимая, где верх, где низ. В комнатухе без окон — темно, хоть глаз выколи. Нашу-пал ботинки, натянул штаны, вылетел в коридор.

Там уже бежали люди. Учёные, инженеры, лаборанты. Их лица в мигающем свете аварийных ламп выглядели чужими, испуганными. Кто-то тащил ящики с бумагами, кто-то просто бежал, не понимая куда. За двенадцать лет работы здесь тревогу не включали ни разу.

— Что случилось? — он поймал за рукав пробежавшего лаборанта. Тот только помотал головой и вырвался.

В главном зале — амфитеатре, откуда они наблюдали за работой Вершителя, — уже стояли солдаты. Чужие, не из их охраны. В чёрной форме, с автоматами. Не двигались, не вмешивались, просто ждали.

Профессор Лапор стоял перед человеком в шинели без знаков различия и что-то доказывал, размахивая руками. Бомил подошёл ближе, услышал обрывки:

— не имеете права! Мы работаем по личному распоряжению! Объект номер один

— Проект закрыт, — голос человека в шинели звучал спокойно и негромко, но его слышали все. — Приказ Генсека.

Бомил замер. Генсека? Того самого, кто пришёл к власти в этом году? Того, кто, как говорили, сам обязан Вершителю своим постом?

— Все сотрудники, задействованные в проекте, подлежат немедленной эвакуации на базу Машрал, — продолжал человек в шинели, заглядывая в планшет. — С собой возможно взять только ручную кладь. Личные вещи. Любое сопротивление будет рассматриваться как акт неподчинения.

— А Объект? — голос профессора Лапора сорвался. — Что с Объектом?

— Объект номер один также подлежит эвакуации.

Бомил смотрел на профессора, на его побелевшие губы, на трясущиеся руки. Объект всегда оставался здесь. Объект — часть Вершителя. Без Объекта устройство не работало. Если Вершитель закрывают, зачем им Объект?

— Людей разделить, — человек в шинели оторвался от планшета. — Кто работал над проектом — тех наверх, грузить отдельно. Кто по сыворотке — в Машрал.

Бомил вздрогнул. Он числился по проекту. Вместе с профессором Лапором, вместе с теми, кто строил и испытывал Вершитель. Вместе с теми, кто видел, как устройство впервые включили здесь, на границе с Орбанией, в семьдесят девятом, когда он ещё нёс службу солдатом-срочником.

Он помнил тот день. Помнил, как загудела башня, как воздух сделался тяжёлым, как люди в посёлке по ту сторону границы вдруг замерли, а потом потом всё пошло не так. Эффект оказался кратковременным, переворот всё равно пришлось добивать танками, но сам факт — что можно заставить тысячи людей думать одинаково — потряс тогда всех.

Именно тогда профессор Лапор заметил его, простого солдата, и сказал: «Оставайся. Пригодишься». С тех пор Бомил жил здесь, в бетонных коридорах, слушая низкий гул башни, который никогда не прекращался. Гул означал, что Вершитель жив, что он ждёт своего часа, что где-то внизу, в клетке из металлических ферм, сидит человек и смотрит в пустоту.

— Пяст! — голос профессора выдернул его из воспоминаний. — Собирайся. Мы едем в Машрал.

— Но я по проекту...

— Теперь нет. — Лапор схватил его за руку, повёл к выходу. — Теперь мы все по сыворотке. Забудь про Вершитель. Его больше нет.

В коридоре, ведущем к пандусу, их обогнали солдаты. Они вели человека. Бомил узнал его сразу — видел много раз, когда тот стоял в клетке под конструкцией башни. Объект номер один. Худой, небритый, в мятом бушлате, который ему велик. Он шёл, не глядя по сторонам, не сопротивляясь, не замечая суматохи. Просто переставлял ноги.

И вдруг остановился.

Прямо напротив Бомила. Повернул голову и посмотрел на него.

Такого взгляда Бомил не видел никогда. Не боль, не страх, не отчаяние. Пустота. Выжженная, мёртвая пустота. Человек, которого использовали до дна.

Секунда. Может, две. Потом солдаты дёрнули Объекта за руки, и он пошёл дальше, туда же, куда собирали остальных. К выходу.

— Не смотри на него, — шепнул профессор Лапор. — Смотри вперёд. Забудь. Этого не существовало.

Бомил кивнул. Он уже понял правило.

Наверху, на плацу, горели прожектора. Грузовики с людьми и ящиками выстраивались в колонну. Бомил забрался в кузов последней машины, рядом с профессором и ещё несколькими учёными. Колонна тронулась, когда небо на востоке начало светлеть.

Он обернулся. Трёхэтажное здание комплекса уплывало назад, в нём гасли огни. Рядом с ним, пристроенная к стене, возвышалась кирпичная башня с кольцами наверху. Бомил знал, что внутри неё — пустота. Вершитель остался внизу, мёртвый, запечатанный. Кольца больше никогда не загудят.

Колонна уходила в рассвет, белые ночи Петира оставались позади.

Глава 1 ...чёрный лебедь, белый лишь во сне...

Тяжёлая и бесконечная от ожидания смена наконец закончилась. И народ потянулся в раздевалки. Скучным, молчаливым потоком. Идя в самом хвосте очереди, ведь моя рабочая точка находилась дальше всех, я изнывала от желания обогнать, ну или хотя бы попинать впереди идущих для ускорения. Но не делала этого. Не хотелось лишаться денег.

Рабочую дисциплину на комбинате регулировали только одним — премией. А точнее, её урезанием. Опоздал на смену — минус пять процентов, вошёл в раздевалку после смены раньше положенного — минус десять, поругался с коллегами — минус пятнадцать, вступил в спор с начальством — минус двадцать, не выполнил порученную работу — минус двадцать пять, выполнил непорученную — минус тридцать, застучали спящим — минус тридцать пять и так далее, до самого критичного — застали поющим, танцующим, читающим — минус сто. Таким темпом зарплата таяла на глазах.

Впрочем, так дисциплину регулировали почти повсеместно. Только в учебных учреждениях лишали накопленных за учёбу баллов, а на работе — денег.

Правда, последний пункт появился только лет двадцать пять-тридцать назад, ещё до становления Его Превосходительства Генсека первого. Так говорила мама. И, пусть этого не писали в учебниках Новейшей истории, я ей верила и жалела, что не помню то время. Наверно, было здорово.

Танцевать не только под Новый год, выходя на центральную площадь города всем коллективом комбината, и то лишь потому, что за это единственный раз в год делается надбавка к зарплате. Петь не только гимн в начале рабочей смены, а читать не только должностные и всякие там инструкции по охране труда.

Нет, дома никто не запрещал петь, танцевать или читать. Но в установленное время и, ни в коем случае не мешая соседям. Будто чтением их можно побеспокоить. Если только... Я хихикнула, представляя, как читаю «Мастера и Маргариту» вслух и в полный голос.

— Ты что? — тут же покосилась на меня рабочая с цеха. Я торопливо проглотила улыбку и опустила глаза в пол.

— Ничего! Просто мышечная судорога.

Да, улыбаться и смеяться — у нас тоже запрещено. Правда, негласно. Работа может и должна вызывать положительные эмоции, но нужно уметь использовать их для повышения производительности труда. В противном случае это может привести к ослаблению внимания и допущению ошибок. То есть «выполнение порученной работы неправильно — минус сорок пять процентов премии!» И неважно, что смена закончилась. Я на работе, пока не доберусь до дома. И если допущу недозволительную вольность, любой будет вправе накатать на меня докладную.

Хвост очереди втянул меня в медпункт.

— Фамилия? — строго спросила необъятная медсестра с повадками цербера.

— Хорн! — привычно выпалила я в ответ. Вторая девушка в халате сидела за столом. Она нашла мою фамилию в списках и снисходительно кивнула коллеге. Та тут же развернула меня боком и в одно касание приставленным прямо к одежде пневмошприцом сделала прививку. Очередную и обязательную. Их делают нам каждый день — в начале и конце смены. Говорят, что она профилактическая, от всех болезней. Лично я в это не верю. Хотя бы потому, что неизменно раз в два-три месяца простужаюсь. Но продолжаю «колоться» вместе со всеми. Исключительно из желания сохранить зарплату. «Отказ от прививки» — минус девяносто пять процентов премии. Так что если им не жалко тратить на меня недействующую вакцину, то я потерплю.

А терпеть приходится. Не знаю, как у остальных, а у меня место укола всегда дико чешется. Словно там вдруг посыпается пара десятков мелких паразитов, которые, ползая под кожей, вызывают невероятный зуд. На моё счастье, гадостное ощущение обычно проходит через полчаса, но и за это время я успевала разодрать плечо до кровавых царапин.

После медпункта народ наконец двинул в раздевалку. И я радостная понеслась вслед за всеми. Приняла душ. Украдкой заклеила лекарственным пластырем в очередной раз разодранное плечо. Переделалась. Хорошо ещё, что выход из раздевалки никак не регламентировался. Ждать очереди, чтобы выйти на улицу, я бы точно не смогла. А так, запихав спецовку комом в пакет, забросив на плечо сумку, я почти всегда первая выходила на свежий воздух. Особенно после ночной смены.

И пускай воздух на территории комбината вряд ли можно было назвать свежим, особенно когда иной день со стороны цеха переработки подванивало чем-то, вызывавшим рвотные рефлексы буквально у всех, всё равно я предпочитала пять-десять минут простоять на улице в ожидании автобуса, чем провести ещё хотя бы секунду внутри помещений.

Ведь каждый раз по окончании смены меня буквально раздирало желание действовать. Хотелось прыгать, бегать, петь, танцевать, просто орать от безумного восторга. И всё это, несмотря на изрядную степень усталости. Даже наоборот: чем сильнее я уставала, отработав тяжёлые двенадцать часов, тем мощнее разгоралась внутри меня оголтелая жажда жизни. И это тоже приходилось прятать.

Вот и сейчас, отвлекая себя от желания помурлыкать пришедшую на ум мелодию и от всё ещё зудящего плеча, я рассматривала выходящих из здания раздевалки.

За два года работы на комбинате я так и не смогла привыкнуть к тому, что ночные бдения, и не только они, делали людей похожими на зомби. И не просто похожими. Молчаливые, хмурые, с тёмными провалами пустых глаз. Никто меж собой не разговаривает, не улыбается ярким лучикам весеннего солнца, с автоматической сосредоточенностью ожидая автобуса. Ну, реально, зомби. Живые трупы.

А ведь я знала, что две женщины слева от меня — заядлые огородницы, и, встречаясь в городе на выходных, могли обсуждать огородные темы часами. В то время как здесь они стояли рядом, молча и почти не глядя друг на друга.

Илай Бай, крепкий, всегда гладко выбритый парнишка, заядлый любитель футбола. Аккуратно, словно замедленный бег трусдой, переминаясь с ноги на ногу, он каждый раз ждал автобуса куда сильнее, чем я. Потому что только дома мог узнать о результатах новых розыгрышей. Или чего там в футбольном мире происходит.

Мужчина-каланча и пухлая девушка-плюшка чуть впереди — встречаются. Выходя за проходную, девушка неизменно вешалась на локоть своего кавалера, и они уходили вместе в сторону автостоянок. Ходили слухи, что она увела мужчину из семьи, но скрывали отношения на работе они не поэтому. На комбинате запрещалось паре, неважно, законные это супруги или гражданский брак, работать в одной смене. Едва такое доходило до начальства, попавшихся тут же наказывали лишением части премии — восемьдесят процентов долой, и разводили по разным цехам или даже по разным бригадам. И всё потому, что отношения могут ухудшить работоспособность трудящихся, разлагая дисциплину.

Те, с кем я работала, стояли особняком и, наверно, выглядели самой оживлённой группой на всей автобусной остановке. Хотя обсуждаемая тема — работа и ещё триста шестьдесят пять раз работа — вызывала зевоту не только у меня.

Мимо, неуклюже толкнув в плечо и не извинившись, прошёл невысокий бородач.

— Привет, Игнэт! — вполголоса бросила я вслед, но он не оглянулся.

Игнэт Корташ. Мы с ним ходили вместе в один детский сад и считались закадычными друзьями. Убегая от воспитательницы за веранду, мы с упоением горланили там любимые

песни и мечтали, что когда вырастем, убежим из страны, чтобы за границей петь для людей с настоящей сцены.

После садика мы даже пошли в одну школу, но через год родители Игнэта уехали и увезли его с собой. На долгие годы я потеряла друга детства из виду. Нашла здесь, на комбинате. Какое-то время мы даже общались. Я узнала, что за границей он всё-таки побывал и, как когда-то мечтал, пел в хоре. А вот почему ушёл, он не рассказывал, как и о том, что заставило его вернуться на родину. Да ещё и в родной город. Не думаю, что его тянуло поработать на нашем чудесном комбинате.

Почему вдруг перестали общаться — не помню. Вряд ли причиной могла стать наша попытка заняться сексом по пьяни. Хотя тогда именно он всё испортил. Сказал странную фразу, которую я полностью даже и не запомнила. Что-то типа: «счастлив тот мужчина, что знал свою женщину девочкой». Хотя, возможно, это звучало как-то иначе. Но главное, что упоминание о детстве меня отрезвило. Своё главное правило — не спать с друзьями — я нарушить не смогла. Но, насколько я помню, Игнэт не сильно-то и обиделся. По крайней мере, мы продолжали общаться, много болтая о книгах и музыке. Пока однажды он вдруг не ответил на е-мейл и стал игнорировать меня на работе. Впрочем, иной раз он ещё здоровался, но большую часть времени ходил как все остальные. Хмурый, нелюдимый, молчаливый.

Мои размышления прервала мастер смены. Подошла и молча сунула мне в руки записку. «Крайний срок сдачи инструментов ..., включительно. Невыполнение п2.3 Общей инструкции — сорок процентов премии».

Понимание, что в записке стоит сегодняшняя дата, прошибло меня до самого позвоночника. Мастер отдала мне бумажку, не утруждаясь объяснениями. Значит, она уже заранее решила, что накажет? И как я могла забыть про сдачу инструментов на проверку?!

— Имарис, ты куда? — крикнули вслед, едва я сорвалась с низкого старта в раздевалку.

— Спасать премию! — отмахнулась я. Конечно, я без вариантов опоздаю на автобус. Но, учитывая, что в этом месяце как раз из-за автобуса я уже потеряла два раза по пять процентов премии за опоздание на сменно-встречные собрания, позволить себе потерять ещё сорок я просто не могла.

— Что это? — кладовщицу явно не радовало моё появление в начале рабочего дня.

— Мои инструменты.

— Зачем?

— На проверку! — Предчувствуя, что разговор в духе двух глухих затянется и я опоздаю ещё и на дополнительный автобус тоже, я показала записку. — Вот, мне мастер напомнила! У меня сегодня последний день сдачи!

— Серьёзно? — после вопроса, заданного таким вот по-настоящему растерянным тоном, я засомневалась. И, глядя на то, как женщина торопливо защёлкала компьютерной мышкой, неуверенно пробормотала:

— Ну, раз мастер решила, значит...

— Вообще-то, инструменты вам сдавать только через неделю!

— Но... — я сама ещё раз перечитала мастерскую записку. Сегодняшняя дата из текста не исчезла.

— Наверно, какой-то сбой... — пожалала плечами кладовщица, становясь в разы милее и спокойнее. Неужели почувствовала вину, что я прискакала сюда выполнять очередное дурацкое требование руководства комбината, упуская возможность оказаться дома пораньше? — Ну, давайте, давайте, я приму!

О записке и странном поведении мастера я думала ещё минут пять, пока, выйдя из здания, не увидела тот самый дополнительный автобус — готовый уехать. Впрыгнула на ходу. Благо водитель сделал широкий жест, чуть притормозил. Заскочив в гостеприимно распахнутые двери, я вцепилась в поручень, тяжело дыша. Всё-таки физическая подготовка для таких

вот марафонов у меня очень слабая. И в школе, и в технаре, и даже в институте я сдавала все нормы исключительно на уровне «не пролететь по баллам».

Вот вся моя жизнь такая. Ну, не умею я укладываться в рамки. В одних мне тесно, в других — до размеров не дотягиваю. Точность — не мой конёк, абсолютно.

В детстве это, наверно, было не так уж критично. Дети все эксцентричны, кто больше, кто меньше. Стремление выделиться, пусть не поощрялось, но и не преследовалось. Самое серьёзное, что мог услышать детсадовец или школьник младших классов, это выговор в духе «Ну что же ты, будь как все!»

Дальше — сложнее. Ведь пресловутое «будь как все» становилось уже не директивой, а приказом, доведённым до абсурда. Помнится, последние два года школы меня даже кошмары преследовали. Во снах я, глядя в зеркало, видела вместо себя некую усреднённую, безликую фигуру. Усреднённую ото всех — и от девчонок, и от мальчишек. Жуть!

Ещё хуже стало здесь, на комбинате. Почти год я работала вообще без премии. Меня штрафовали за всё. Из списка совершённых нарушений я умудрилась избежать только одного — «Нарушение этической дисциплины», и то потому, что излишне яркая в поведении поначалу я отпугивала всех возможных кавалеров, а потом и сама отшивала осмелевших, боясь от общения с ними получить коллапс мозга. Ни один из них не тянул на вменяемого собеседника, а со стенами я могла пообщаться и без их участия или посредничества.

Говорят, человек привыкает ко всему. Я тоже человек и тоже сумела привыкнуть. Не научиться, но выковырять в своём словаре слово «надо». Вставать по будильнику в шесть утра после всего двух часов сна. Не задрёмывать от недосыпа на работе, глотая втихаря разнообразные таблетки и запивая их бешеными порциями кофе. Не ругаться с коллегами, потому что научилась игнорировать и косые взгляды, и словесные выпады. Научилась в буквальном смысле прикусывать язык, чтобы при общении с начальством не сказать лишнего. Хотя моё дурацкое «работала бы лучше — вы бы меня пристрелили, лишь бы не платить» мастер смены помнила до сих пор.

Приучилась не рваться всем помогать, чтобы не оказаться застуканной за выполнением непорученной работы. А сколько я объяснительных написала, прежде чем «научилась» выполнять порученную работу правильно?! Мне думается, в тот год не было ни единой смены, когда бы на сменно-встречном собрании я не услышала свою фамилию в связи с каким-нибудь нарушением или замечанием. Исправилась. «Вину свою признаю, впредь обещаю быть более внимательной». Пусть в большинстве случаев я в принципе и не была виновата. Ни на грамм! Но...

— Хорн, вот любите вы себя оправдывать! — сказала мне однажды старшая дневная мастер. А я, тогда ещё болтливая и безбашенная, лишь пожалала плечами:

— А вы покажите мне человека, который в трезвом уме и твёрдой памяти согласится признать себя виноватым?

За год я потеряла и трезвый ум, и твёрдую память, и научилась, не задумываясь, писать любые объяснительные, признавая и вину, и собственную тупость, серость, и всё прочее, на что указывало начальство.

Сложнее оказалось с пением, танцами и чтением. Но и это я научилась скрывать. Книги старалась покупать маленькие и носила их во внутреннем кармане спецовки. Читала их, запершись в туалете, изображая диарею или запор. Чтобы не петь, крутила в голове слова песен, отстукивая ритм пальцами по бедру, а оставаясь в одиночестве, ногтями по столу выстукивала ритм, вслушиваясь в звуки. Танцы? Заменяла быстрой походкой и лёгким покачиванием тела в такт движению автобуса или трамвая. За общим колыханием мои танцевальные па вряд ли кому могли показаться чем-то достойным внимания.

Тайный агент, блин.

Но лучше так, чем постоянно терять в зарплате, а то и оказаться уволенной. А другой работы у нас в городе почти не было. То есть была, но для тех, кто не сумел пройти медосмотр

и попасть на комбинат. Работа в городе — это как клеймо идиота или инвалида. На человека, решившего поменять комбинат на город, смотрели едва ли не как на государственного преступника.

При этом, удивительное дело, но рискованные всё же находились. В основном — мужчины. Возможно, потому что они легче переносили гонения? Или потому что мужская сила требовалась везде и на ярлык «беглеца-тунядца» уже не обращали внимания? Я не знаю. Лично меня перспектива остаться без работы и средств к существованию пугала.

Собственно, вот ещё одна моя странность. Мне страшно не хотелось «быть как все», и всё же я боялась выделяться. И чем старше я становилась, тем глубже укоренялся во мне этот страх, превращая в «усреднённое чудовище» из детских кошмаров. Возможно, это произошло бы много раньше, если бы я так не цеплялась за книги и музыку. Вероятно, именно они — мои спасители.

«Здесь всё то же, то же, что и прежде,
Здесь напрасным, кажется, мечтать...»

Прекрасные стихи, автора которого я не помнила, но это не мешало мне думать, что написал их человек, живший в таком же «душном» от запретов и правил обществе. И мысль, что он сумел сохранить желание творить, что под давлением его чувство прекрасного не придушилось, меня безумно радовала.

Автобус качнуло на повороте при выезде на финишную прямую перед проходной, и я очнулась. Поправила сумку, перехватила пакет — приготовилась. Осталось одно и последнее — проскочить пропускные терминалы и добежать в числе первых до другого автобуса, который повезёт нас домой. Промедлю — и вместо дрёмы в почти комфортных условиях буду болтаться мартышкой на поручне, стоя в проходе.

Подбегая, то есть подходя быстрым шагом к проходной (ведь бегать-то на территории комбината — это нарушение стоимостью аж в пятьдесят процентов) и доставая на ходу пропуск, я краем глаза отметила, что людей в форме охраны за терминалами стоит как-то непривычно много. Вместо обычных трёх-пяти человек, среди которых иной раз попадались и женщины, стоит не меньше десятка хмурых напряжённых мужчин. Уверенно могла сказать, что видела их всех раньше. Но сейчас они выглядели иначе, строже.

«Наверно, какие-то учения», — мелькнуло в уставшем мозгу. Походило на правду. Усиленный наряд в ожидании террористической атаки. Но кому нужно нападать на комбинат? Городским безработным? Я хихикнула. И, благо, в этот раз рядом не было никого, кто мог отследить мои эмоции.

Ну, кроме охранников. Шутя я подмигнула ближнему и взяла под козырёк несуществующей фуражки, отдавая по-военному честь. Молодой человек удивлённо скосил на меня взгляд, но больше ничем себя не выдавая, словно гвардеец у Бикунгемского дворца, которым запрещено как-либо двигаться во время несения караула.

Подавив новую усмешку, я выскочила на улицу и спустя минуты три уже стояла на остановке в толпе людей, удивлённо озирававшихся по сторонам. Вместе со всеми я тоже завертела головой. Не из солидарности или желания не выделяться. Совсем нет! Я отчаянно хотела увидеть заветный автобус, готовый отвезти таких «опоздашек», как я, домой. Но его не было! Обширная стоянка поражала непривычной пустотой.

Молчаливое ожидание продлилось от силы минут пять. Потом по толпе прокатилась первая волна обеспокоенного шёпота, который ещё через короткое время превратился в недовольный гул. Люди хотели домой. Технически я тоже, и в другое время стала бы возмущаться, как и остальные. Но сейчас молчала, поражённая количеством недовольных. Каждый второй. Слишком много. Неправдоподобно много!

Я снова завертела головой. Но теперь не в поисках автобуса, а рыская взглядом по лицам людей, стоявших вокруг. Лишь пара-тройка человек выглядели знакомыми, не больше. Опять-

таки, если вдуматься, в этом не было ничего странного. Комбинат большой, крупных цехов штук пять, а уж сколько мелких подразделений — я даже никогда не пыталась узнать. Не требовалось. А значит, почти нормально, что в толпе опоздавших я никого не узнала. Но... Как получилось, что в полусотне людей собралось столько нетерпеливых? Столько... таких, как я?

Просигналив, из-за поворота дороги вынырнул большой автобус, типа тех, что возили нас по комбинату, и лихо подрулил к остановке. Возмущения стихли мгновенно. А едва двери открылись, народ ринулся занимать места. Да так рьяно, что я инстинктивно отступила в сторону, боясь попасть под чужие ноги. Но, даже зайдя последней, легко нашла свободное место. Как люблю, у окна. Сказывалось, что автобус нам решили подогнать большой.

Села, почти утонув в удобном кресле, и тут же ощутила, как из головы мгновенно выветрились все левые, да и правые тоже, мысли. Усталость, накопившаяся за бессонную ночь, сковала тело коматозным параличом, и я, откинув голову на жёсткий подголовник, задремала раньше, чем автобус наконец тронулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.